

1.
Всесоюзная
Библиотека
имени
В. И. Ленина

№3
МАРТ
1938

мурзилка

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

ПРИВЕТ ГЕРОЯМ-ПАПАНИНЦАМ!

21 мая 1937 года большевики завоевали Северный полюс,—там была основана дрейфующая научная станция. Четверо отважных большевиков—Папанин, Кренкель, Федоров и Ширшов—остались жить на льдине, чтобы выполнить задание товарища Сталина—сделать научные наблюдения, помочь человечеству разгадать тайны природы.

Зимовщиков интересовало: погода полюса, движение (дрейф) льдов, течение Ледовитого океана, особенности морской воды у Северного полюса и многое другое. Папанинцам приходилось работать помногу часов в сутки в тяжелых условиях. Льдину, на которой девять месяцев работали наши храбрые папанинцы, отнесло от Северного полюса к берегам Гренландии. Последние дни пребывания отважных товарищей на льдине были особенно опасными. Шторм разломал льдину на несколько частей.

Папанин, Кренкель, Федоров и Ширшов оставались на небольшом обломке. Но они сумели сохранить все научные приборы и все материалы, добытые в результате научных работ.

Советская страна, родина героев, как любящая мать, следила за героической работой своих самоотверженных сынов.

Правительство послало к дрейфующей льдине ледоколы „Таймыр“, „Мурман“ и „Ермак“. Несмотря на шторм, полярную ночь, морозы, ледоколы сумели снять папанинцев.

Страна радостно встретила своих отважных героев, депутатов Верховного Совета СССР.

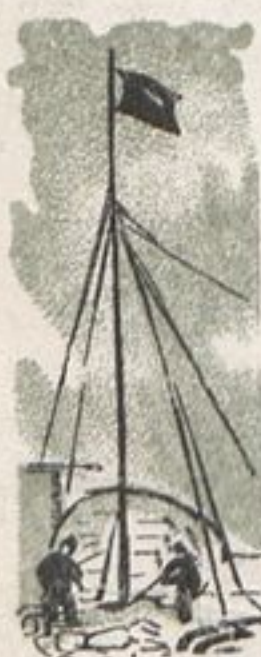
Весь мир знает имена героев-полярников—Папанина, Кренкеля, Федорова и Ширшова.

Весь Советский Союз поет песни, сложенные в их честь.

От ребят папанинцам
Большой привет!!!
Храбрых папанинцев
Знает весь свет.
Много вы полезного
Сделали стране,
Как бы вместе с вами
Хотелось быть и мне!
Раз во сне мне снилось,
Что с вами я плыву.
Вдруг медведь явился,

Я как зареву!
Я сейчас трусишка,
Медведей боюсь,
Но подрасту немного—
С вами подружусь.
Очень хочется скорее
Нам в кино вас увидеть.
Мы в ладошки будем
хлопать
И вам „ура, ура“ кричать!

Ювилла Полякова, 10 лет, г. Орехово-Зуево.

На обложке: Рисунок Е. Афанасьевой
„Женщина — капитан дальнего плавания“.

63
11

ГОСТЬ из детского дома

Рассказ Л. Веприцкой

Глава из книги
«Мой приятель Алеша»

Сегодня восьмое ноября — Октябрьская революция, — и мы с мамой вчера демонстрацию смотрели. Мама купила мне значок и еще резиновый «уйди-уйди», только дома не велела надуть, а то очень громко получается.

У нас — новость. Восьмого ноября, значит сегодня, к нам приедет гость из детского дома. К нам домой — к маме, к папе, к бабушке и, главное, ко мне. Папа уже уехал за ним на профессорской машине.

Получилось это дело так: каждый человек может взять в гости на праздник одного ребенка из детского дома. Кто хочет — девочку, кто хочет — мальчика. Мы, конечно, хотим мальчика. Я так и сказал:

— Никаких девчонок, только мальчишку!

Он у нас будет целый день в гостях и обязательно останется ночевать до завтра. Утром его папа назад отвезет.

Папа двух возьмет: нам — мальчика, а знакомому профессору — девочку. Такой чудак этот папин профессор, — просит девочку.

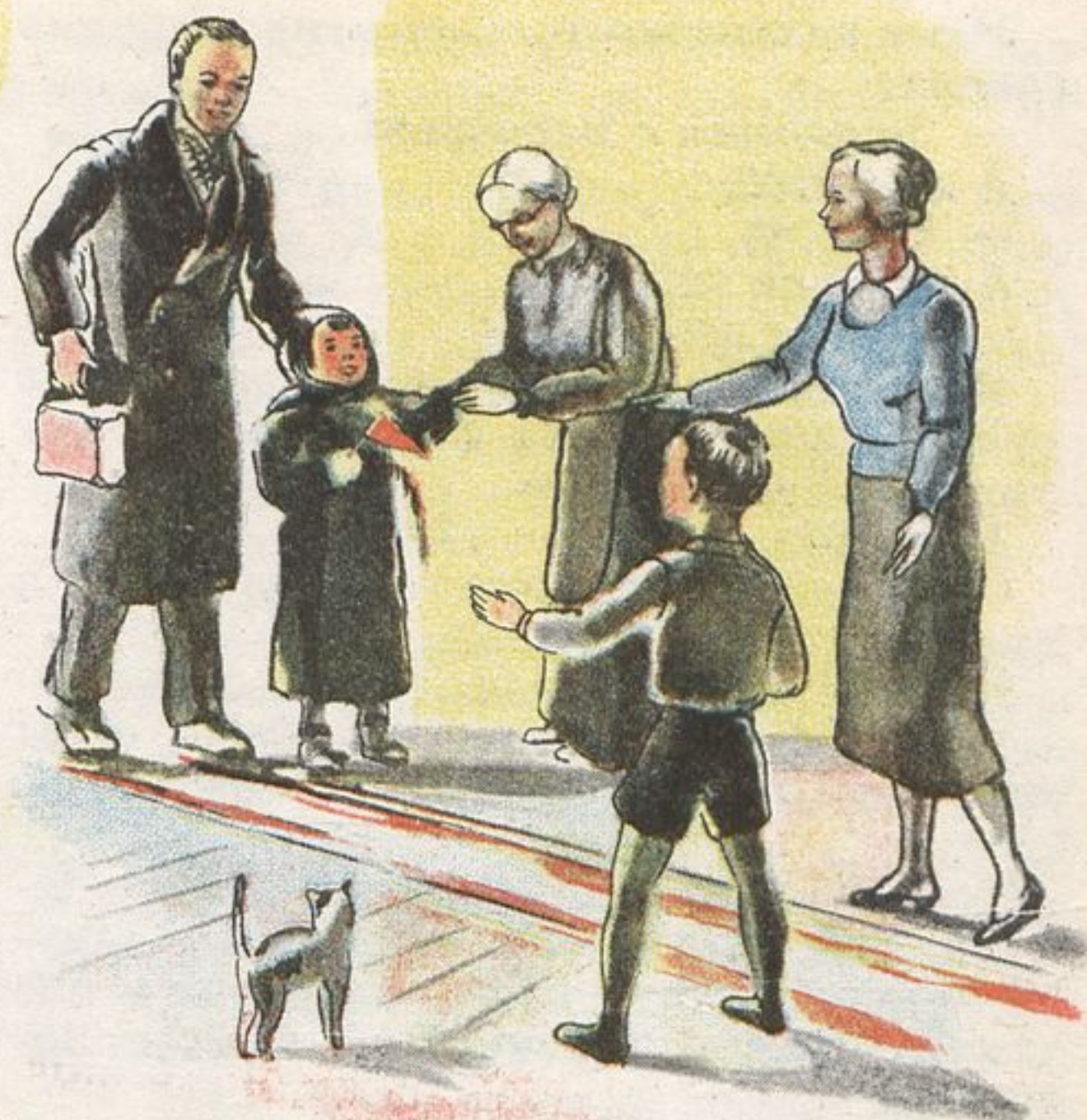
— Мама, почему они не едут?

— Алеша, ты меня сто раз спрашивал... Почему я знаю?

Бабушка из кухни идет.

— Как хочешь, Лена (это она к маме), а я мальчугану Алешину куртку и штанишки выгладила. Он же приютский, неизвестно, в чем их там водят...

Мама начинает объяснять ей спокойным голосом. Только я вижу, она потихоньку сердится. Объясняет про то, что теперь приютов никаких нету, а советский детский дом, и в лохмотьях никого не позволяют водить. И что не надо мальчика сироткой называть, а то он может обидеться. И всякое другое... Я тоже спрашивать не должен, где у него папа и мама,

Рисунки Л. Радиной

потому что они, наверное, умерли или потерялись.

Интересно, как это папы и мамы могут потеряться? У соседей обыкновенная бульдожка пропала, и ту через газету нашли. Может, мальчик не знает, что надо объявление дать?

На столе подарки лежат. Мальчику — ружье с резиновой пулей на палочке: если в дверь выстрелишь, пуля сама прилипает и сидит, как смирная. А мне — книгу «Барон Мюнхаузен». Лучше бы наоборот...

Звонок!.. Он!..

Папа в шубе, а за ним стоит кто-то маленький, закутанный. Бабушка разные платки с него раскутывает, а папа что-то бурчит про холод, и что шофер опоздал и не по той дороге поехал, и еще про какие-то неожиданности.

Платки все раскутали, а под ними... девчонка в платье.

— Папка — глиняные руки, — ты же все напутал! Это профессору девочку! Куда ты нашего мальчика девал?!

Папа рассказывает, что получилась ужасная путаница: в детдоме всех ребят уже взяли и остались только две девочки, одна — профессору, другая — нам, и зовут ее Вера... и чтобы я замолчал.

Мама тихонечко толкает меня и громко говорит:

— Знакомься с Верочкой!

А я ей тихо:

— Не хочу...

А она еще тише:

— Пошел вон!

Я пошел в комнату и со зла надул «уйди-уйди». Он стал раздуваться и как заорет: «Уйди-уйди!»

Мама вошла злая — ужас!

— У тебя, — говорит, — сердца нет, и мне такого сына не надо...

Не хочет — и не надо... А про сердце — неправда. Если бы сердца не было, я бы сейчас же умер, и она бы первая заплакала.

Все пошли завтракать, а меня будто забыли. Мне стало очень обидно, и я задумал умереть, маме назло. Если рот и нос зажать, можно задохнуться. Сейчас попробую.

Вдруг является бабушка.

— Вот так дела! Приготовила штанишки мальчику, а она — девочка...

Я засмеялся, и рот сам раскрылся. У бабушки такое лицо, будто все очень хорошо.

— Алеша, сегодня блинчики с вареньем. Иди скорее, — простынут!

Мне не хотелось идти, но нельзя же, чтобы блинчики пропадали из-за какой-то девчонки. Прихожу. Все за столом сидят, и я сел. Блинчики толстые, с клубничным вареньем. Бабушка много напекла.

А девчонка рассказывает, что она по всем предметам отличница и за дисциплину у ней «отлично». Она тоже во втором классе, и даже в Б, только не в нашей школе, а в какой-то другой. Мама на меня посмотрела — будто я сам не знаю, что у меня в первой четверти по арифметике «пос», а дисциплина только на «хорошо».

Но никто ничего не сказал, а бабушка мне скорее полную ложку варенья прибавила. И девчонке тоже.

После завтрака нам подарки выдали: ей — ружье, а мне — этого барона противного, по фамилии Мюнхаузен.

Смешно, — девчонке ружье.

— Зачем тебе ружье?

— Как зачем? Ясно, стрелять.

— Ты же не умеешь.

— Давай состязаться!

Папа нарисовал нам на бумаге круг красным карандашом, а листок на дверь булавкой приколот. Вера как пальнет в самую серединку! А я очень долго мушку на ружье искал и глаз зажмурил. Ружье какое-то неверное, и мушки нет. К тому же у меня вместо одного глаза оба закрывались. А то бы ни за что не промазал.

Папа засмеялся и ушел.

Вера говорит, что у них в детдоме учат мяч в цель кидать. Ей хорошо, а у нас в школе этого не проходили.

Как только папа ушел, я ей прямо говорю:

— Давай драться!

Она — хитрая, сразу отвиливать:

— Мне драться нельзя, я отличница.

— Ну да, нельзя! Просто трусишь...

— Ни чуточки не трушу. А бороться можно.

Стали бороться. Она меня к дивану толкает и уже начинает прицеливаться, как на лопатки положить. Этого еще не хватало! Я сразу закричал:

— Чур, не играю! У тебя платье скользкое, за него не ухватишься!

Она сама согласилась, что платье скользкое. У нее платье бархатное, — им к празднику новые сшили. Такое серенькое, мягкое. Она в нем, как плюшевый заяц.

— Ты на зайку похожа...

Я на кухню побежал за веревочкой, чтобы зайца привязывать. Мама с бабушкой у окна стоят, меня не замечают. И мама говорит:

— Ты спорила — беспризорные... А девочка в бархатном платье приехала, с чемоданчиком. Как все уложено заботливо: зубная щетка, мыло, полотенце!.. Сразу видно, что любящая рука снаряжала.

Бабушка говорит:

— А я сама раньше тебе, родной дочке, бархатное платье не из нового шила, а свое перешивала. Помнишь, у тебя синее было, в цветочках...

А мама опять:

— Я-то все помню. А ты многое позабыла... Чудачка, пора же понимать советскую власть!

И я тоже сказал:

— Чудачка, пора же понимать советскую власть... Мама, какая же Вера беспризорная? Она — из детдома, а беспризорные были чумазы и в котлах спали.

Мама сразу обернулась:

— Иди, иди отсюда!

А бабушка стала сморкаться.

Вечером мы ездили на автобусе иллюминацию смотреть. Вот здорово! Особенно базар у манежа: башня из огней, сама зажигается, сама тушится, и колеса зеленые.

Домой вернулись не скоро, папа даже выспаться успел.

Как праздник, так он на диван. Ужасный соня! Мы его сразу подняли и заставили с нами в прятки играть. Вера его под стол спрятала, а у него ноги длинные, торчат, и я сразу нашел.

Было очень весело, и совсем спать не хотелось. Вере просто пылинка в глаз попала, оттого она глаза терла. А папка сразу тащит раскладушку:

— Знаем мы эти пылинки: тебе сон в глаза забрался...

Мама нам сразу велела лечь в постели и лампу на столе накрыла платком. Тут ее

позвали к телефону, и она не успела сказать нам «спокойной ночи». Я лег и думаю:

«Сейчас мама придет и будет на ночь прощаться. А у Веры нет папы и мамы. Может, они потерялись и она не знает, что полагается объявление напечатать? Они сразу и найдутся...»

Оттого я и спросил ее про папу и маму, — потерялись они? А то бы ни за что не спросил.

Она говорит:

— Нет, не потерялись...

Тут вошла мама и не велела разговаривать. Как всегда, мама меня поцеловала и пожелала «спокойной ночи». А потом поцеловала Веру. Не знаю, что тут было! Вера заплакала, а мама стала ей разные хорошие слова говорить шопотом:

— Не надо, девочка... Перестань, Верушка...

А Вера тихим голосом спорит, что она вовсе и не плачет.

— Мама давно умерла, я не помню ее. А папу жалко очень... Я его все во сне

вижу, как он мне баранки из города привозит и петушка на палочке. Мы с ним деревенские. Он в Красную армию пошел и уехал далеко-далеко, в пограничниках стоять... А они его убили.

Тут она заплакала тихонечко, а я сразу сел:

— Кто посмел твоего папу убивать?

Она плачет и говорит:

— Фашисты... Папа в пограничниках стоял, он их к нам не пускал. Мой папа герой, а они... его... убили...

Я тоже заревел и стал кричать:

— Вырасту, я этих фашистов сам всех перестреляю! Чтобы не смели... чтоб ничего такого не смели...

Мама бежит от Веры ко мне и от меня к Вере, и бабушка тоже. Потом они нас уложили, и мама никуда не ушла, а все нас одеялами закрывала и под спинку подтыкала, как я люблю.

Мы решили, что Вера с нами жить будет, вроде как моя сестра, и никуда от нас не уйдет и поступит в наш второй Б, и мама Елизавету Ивановну попросит, чтобы нас вместе на парту посадили.

Вера стала смеяться и сделалась опять на зайку похожа.

— Ты только, Алеша, тогда меня под локоть не толкай, а то Ванюшка Гавриков толкается, и я из-за него кляксу на контрольную по русскому посадила...

Я обещал на честное слово:

— Никогда не буду толкаться.

Что потом было, не знаю. Мы сразу заснули.

Просыпаюсь — никого нет, лампа горит, и Верина постель пустая.

— Где же она? — и я вскочил одеваться.

Приходит Вера из кухни и говорит:

— Доброе утро, Алеша.

В руках у нее чемоданчик, и она щетку и мыло укладывает.

— Зачем укладываешь? Ведь теперь ты у нас будешь жить.

— Нельзя мне, Алеша.

— Как так нельзя? Мы же решили. И мама решила...

— Какой ты чудак, — не понимаешь: мне в детдом надо, у меня там товарищи...

Я маму позвал, и мама ее тоже уговаривала, но она заладила:

— У меня товарищи. Я с ними всегда буду.

А к нам обещала в гости приезжать.

После чая Веру укутали, и папа звонил по телефону, а за воротами профессорский шофер как загудит!

Все целовались с Верой, мама ей куколку свою подарила: она с этой куклой сама играла, когда маленькая была. И ружье Вера взяла с собой, не забыла. Бабушка говорит:

— Алешка, не стой столбом, поцелуйся с Верой...

Но у нас не получилось, — лбами мы столкнулись, даже с треском, так что все засмеялись. Вера подпрыгнула и обняла папу.

А папка — глиняные руки — не умеет целоваться, ничего-то он не умеет, только в своих книгах копаться может.

Вера даже на лестнице кричала:

— Приеду обязательно на Первое мая!

Я к окну подбежал и долго смотрел.

— Уехала!..

Рассказ Н. Белинович

Рисунки А. Изаксон

ГЛАШКА-МОНАШКА

Все ребята в нашем доме делились на «задавал» и «дружных». Группа «дружных» спланировалась все теснее и теснее вокруг своего главаря — Борьки Верзилы.

Ему было одиннадцать лет, но на вид все давали ему тринадцать.

Он нигде не учился. Его мать умерла, отца угнали на фронт, и он жил в подвале, в дворнической, у своего дяди. Борис продавал на улицах газеты. Самостоятельная жизнь сделала его воинственным и мудрым.

Была осень семнадцатого года — канун Октябрьской революции. Борька Верзила приносил свежие газеты. Новости из них мы узнавали иногда раньше взрослых обитателей нашего дома.

В эти волнующие дни у нас во дворе появилась девочка в черном халатике и колпачке. У нее были голубые выпуклые глаза и бледное лицо, похожее на сырую очищенную картошку. В руках девочка держала огромный узел в белоснежной накрахмаленной простыне. Девочка медленно взбиралась по лестнице. Все «дружные» заинтересовались девочкой и крадучись следили: куда она пойдет? Девочка вошла в богатую буржуйскую квартиру, где работала кухаркой мать моей подруги Анюты.

А через пять минут с черного хода в кухню этой квартиры прибежали Анюта и я.

Девочка в черном колпачке сидела на табуретке. Рядом лежал ее узел.

Мы решили узнать, кто такая эта девочка.

Анюта кашлянула в кулак и спросила:

— Девочка, а девочка, как тебя зовут?

— Гликерия, белошвея. Глаша...

— Я в городском учусь, — развязно сказала Анюта. — Она (Анюта кивнула в мою сторону) — в гимназии... А ты где?

— В школе при Девичьем монастыре святых страстей господних, — заученно, нараспев ответила Глаша.

Тут вступила в разговор и я, — уж очень любопытно мне было узнать об этой необыкновенной школе.

— У нас немка очень злая. Так и ставит единицы. И чуть что — родителям записку. А у вас как?

— У меня нету родителей, я из воспитательного, — тихо ответила Глаша. — А единиц у нас не бывает, и немок — тоже. У нас чуть что — мать Аглая посылает на ночь в часовню псалмы читать...

Глаша вздрогнула, как от страшного, и вдруг заговорила:

— Вы в «миру» живете — не наябедничаєте. На матери Аглае ангельский чин, но злющая она — страсть! Намедни графине Воронцовой шили белье. Наколола я палец, чуть вышивку испачкала, — меня на колени, на горох, а потом поклонов целых сто штук. Хуже моей жизни нет! — повзрослому сказала Глаша.

Щеки ее порозовели, глаза стали круглыми и колючими.

— Мирские девочки, давайте хоть разок в куклы поиграем! — неожиданно попросила она. — Пускай одна кукла будет мать Аглая, а другая — я! И будто я уже большая, счастливая, будто я иду нарядная по улице, а мать Аглая, оборванная, как нищенка, стоит на углу. Так и будет! Так и будет!..

Глаша стиснула зубы, выпрямилась и махнула своим маленьким кулачком.

Вбежала Мавруша, мать Анюты, и зашептала нам испуганно:

— Уходите! Уходите! Сейчас барыня придет!

Мы бросились к двери.

— Только где же мы будем играть: в церкви или в часовне? — зашептала с порога Анюта. — Как же мы к тебе проберемся-то?

Глаша, торопясь, рассказала нам о тайной лазейке в монастырский сад.

Был холодный осенний день. Во дворе ярко пламенела огненная рябина. Под ней на ящике сидел Борис Верзила. Он читал ребятам вслух письмо. Когда мы с Анютой подбежали, Борька закричал, как газетчик:

— Последнее известие! Ко мне отец едет! Завтра будет здесь!

— Последнее известие! Из Девичьего монастыря девочка приходила, зовут — Глаша! Нам ее очень жалко! — закричали и мы ему в тон.

Мы рассказали Борису про Глашу все, что знали.

— К чему нам эта Глашка-монашка? Монахам всем крышка скоро! — сказал Борис.

Но через несколько дней мы все же пробрались в монастырь через тайную лазейку. Мы заглянули в окна и увидели длинные ряды девочек, похожих на Глашу. Точно по команде, взмахивали они иглами и вышивали шелком, золотом и бисером чудесные узоры, невиданные цветы.

На столах лежали куски разноцветного шелка: розового, красного, голубого...

Мы видели, как похожая на ворону мать Аглая взмахивала черными вскрыльями рукавов и, проверяя работу, била четками непослушных. Мы пристально рассматривали в окно ее шелковую рясу, важную поступь, холеные стеариновые руки.

Гулко ударил колокол, возвещая обеденный час для монастырских учениц.

Его-то мы и ждали. Мы побежали в ученическую спальню, сели в углу за кроватью и вытащили из-под платка двух кукол. Одна была нарядная, в голубом платье, — такой должна была стать Глаша через много лет, другая — старая «матрешка», завернутая в драный лоскут, — изображала Аглаю.

Скоро прибежала Глаша.

— Ой, хорошо-то как! — засмеялась она, увидев кукол.

Игра началась.

— Подайте копеечку! — нараспев тянула Анюта за «мать Аглаю». — Подайте, я — в ангельском чине.

— Нет, — отвечала я за куклу «Глашу», — теперь монахам крышка, я вас даже знать не желаю, хоть вы и в ангельском чине. Идите на вокзал торговать папиросами «Ю-ю».

Глаша смотрела на игру и тонюсенько смеялась.

Вдруг кто-то рывком схватил меня. Длинные острые ногти вонзились мне в ухо. Закричала Анюта пронзительно, — чья-то рука тащила ее за косы. Глаша упала на пол и своим телом прикрыла кукол.

Я оторвала злые пальцы от уха и храбро подняла глаза. Передо мной стояла мать Аглая. Лицо ее было зеленовато-желтое, как лимон. Из-за ее плеча смотрела дюжая послушница.

— Не смейте нас трогать! — сказала я. — Мы в «миру» живем.

— Не имеете полного права трогать! — кричала и Анютка. — Теперь нет вашего царя, скоро и вам крышка!

Но мать Аглая велела послушнице тащить нас к игуменье.

— Молоко на губах не обсохло, а туда же... фулиганничают, — прошипела та, грубо схватила нас за руки и потащила к игуменье.

Следом, спрятав кукол подмышку и ведя за руку бледную Глашу, выступала Аглая.

Дюжая послушница заперла нас в приемной и ушла с Аглаей в келью игуменьи.

В приемной сладко пахло геранью, заливались на разные голоса канарейки, бородатые архиереи смотрели заплывшими глазками с портретов, а вощенный пол блестел так, что ножки кресел отражались в нем, точно в реке.

...Нас поодиночке вызывали к игуменье. Как ни билась с нами бледная важная старуха, мы не открыли ей тайны нашего проникновения в сад через лазейку и уверяли, что прошли через ворота. За игру игуменьи не могла нас наказать, — мы были «мирские» девочки, могли играть во что хотели.

Расплачивалась за все одна Глаша. Ей игуменья приказала двенадцать суток питаться водой и су-

харями, двенадцать ночей читать псалмы в холодной часовне.

— Ничего! — шепнула Анюта. — Мы тебя освободим! Есть у нас такие ребята — Борька Верзила и Мишка Мушкетер, — они тебя выручат!

Но тут пришла послушница, потащила нас к воротам и, хотя мы были «мирские», дала нам напоследок такой подзатыльник, что я и Анюта кубарем вылетели на мостовую.

Мы решили спасти Глашу и, захватив по дороге моего брата Мишку да Юрку и Вадю, пробрались тайком на черную лестницу, а затем вниз, в подвал к Борису.

В дворницкой было густо накурено. За столом сидели отец Бориса Павел Никанорыч и еще двое: солдат с лицом землистого цвета и машинист в замасленной куртке. Борис, чистый, красный, только что из бани, по-хозяйски разделявал селедку.

Мы любили Павла Никанорыча, мы были рады, что он живой вернулся с войны, что его умелые заскорузлые руки токаря опять будут делать для ребят летом лодки, а зимой лыжи.

Анюта рассказала все про Глашку.

Павел Никанорыч очень заинтересовался лазейкой и заставил нас подробно рассказать, где она находится.

Анюта взволнованно говорила:

— Да Павел Никанорыч, да миленький!.. Лазейка же возле самой колокольни, там еще палатка стоит, только она не торгует... За палатку залезешь — там и калитка, калитку откроешь...

— А тут тебя и сцапают! — сказал машинист.

— А вот и не сцапают, — азартно возразила Анюта: — с той стороны у калитки старая оранжерея. В ней нет ни одного цветка, только крыша, а вокруг кусты, малина. Оттуда вылезешь — и сейчас сад и часовня, где Глаша молится... и сейчас колокольня... и...

— Колокольня?.. — повторил Павел Никанорыч и значительно посмотрел на товарищей. Видно было, что они сразу его поняли.

А наутро Борис велел проводить его к монастырской стене, и мы показали ему лазейку.

Ночью он ходил туда и сообщил, что Глаша в часовне и что мне и Анюте надо молчать. Мише насчет молчанья Борис внушил отдельно.

Мы поняли: так надо для спасения Глаши.

Было раннее утро, когда меня и брата разбудили гулкие выстрелы. Это было необычно. Это волновало. Мы не умывались, не пили чай, а прямо побежали к Борису. Он, конечно, уже все знал.

Борис лежал на сундуке. Его рыжие вихры торчали, ярко выступали веснушки на бледном лице.

— Вот тебе и последние новости, — сказал он: — это, слышь, стрекочут большевики... дерутся с юнкерем.

Борис показал нам свою правую руку. Она была завернута в окровавленную ткань. Невиданные цветы и птицы были вышиты на ней.

— Глаша! — закричала Анюта. — Это Глашка-монашка вышивала!..

— Она, — солидно крикнул Борис.

И вот что рассказал нам Борис дальше.

Ночью через тайную лазейку красногвардейцы протасили на монастырский двор пулеметы. Колокольня была прекрасным стратегическим пунктом. Но лазейка была слишком маленькая, и все сразу пройти не могли. Юнкера заметили красногвардейцев и открыли по ним стрельбу. Случайно они ранили Бориса. Красногвардейцы все же проскочили за стену, втащили и Борьку. Часовые встали у келий.

Раненых было немало. И вот тогда Глаша выскочила из часовни, бросилась в ученическую мастерскую, притащила расшитые полотна — для раненых.

Ничего на свете не боялась Глаша: в тот час осуществлялось ее «так и будет».

Мы спросили встревоженно:

— Ну, а Глаша где же? Неужели убита?!

Борис хитро прищурился. И вдруг с печки слезла к нам Глаша — новая Глаша, в Борькиных валенках и без колпачка. И мы только тут узнали, что у Глаши на затылке — светлая косичка. Глаша сказала:

— Я теперь тоже «в миру». Павел Никанорыч меня берет в дочери. Я буду счастливая. Все будет так, как мы играли, только лучше. И мы еще будем играть. Ведь я теперь ваша?

И хором мы ответили ей:

— Да! Ты, Глаша, наша!

УТРО

Петя вышел со двора,
Ветер стужей дышит.
Сплел мороз из серебра
Кружева на крыше.
А на окна иней лег
Тонким перламутром.
И стеклом звенит у ног
Мартовское утро.

В КЛАССЕ

Книжки в партах,
А на партах —
Голубые карты.
А на карте
И в Игарке
Ни тепло, ни жарко.
Ведь на карте
Даже в марте
Реки светлосини.
А в Игарке
Даже в марте
На ресницах иней.

ДЕНЬ

Вдруг по карте прошмыгнули
Желтенькие мыши, —
Это солнце улыбнулось
На соседней крыше.
Солнце выше, —
Капли с крыши.
Со второго этажа,
По карнизу,
Сверху книзу
Снег, растаяв, побежал.
Солнце в лужу, — лужа уже,
Паром оперяется.
А от белых кружев стужи
И следы теряются.

ВЕСЕННИЕ КОРАБЛИКИ

Вмиг у школьных у ворот
Вырос флот...
Посмотрите, это Петин
Всех быстрее,
Он быстрее всех на свете
Кораблей.
Он, как ветер, летит
Со двора,
И смеется, свистит
Детвора.

*
* *

И плывут, как лодочки,
Щепочки, коробочки...
На волнах качаются,
В море отправляются.

ИЗ ШКОЛЫ

Вот и кончился урок.
Все ребята за порог
Стаей вылетели дружно
Из дверей.
Сколько солнца! Всюду лужи
На дворе.
Вон в канаве ручеек
Зажурчал,
Забурлил у самых ног
И помчал...

СТИХИ О МАМЕ

Стихи
Н. Саконской

Рисунок
Г. Ечеистова

В нашем новом доме,
На верху на самом,
Где звезда в окошко
Светит, как маяк,
В этом новом доме
Я живу и мама,
Ласковая, смелая,
Веселая моя.

Кто ее обгонит
На коньках и лыжах?
Кто умеет шибче
Плывать и грести?
Кто скорей отыщет
Самый рыжий рыжик?
Лучше этой мамы
В мире не найти!

А вчера в газете,
На второй странице,
Поместили мамину
Приветственную речь.
Как же мне такую
Мамой не гордиться,
Как же мне ее
Такую не беречь?!

Мы с моею мамой
Обе в первой смене:
Мама на заводе
Лучший бригадир,
Я хожу учиться,
А на перемене
Я во всех затеях
Первый командир.

Раннею весною
По лесной опушке
Вот с такою мамой
Хорошо итти!
Ландыши кивают,
Квакают лягушки,
Ручеек прохладный
Вьется на пути.

Он журчит невнятно
Про веселых дочек,
Про любимых дочек
И любимых мам,
У которых даже
Одинаков почерк,
У которых смех
И слезы — пополам.

Мне в апреле — десять,
Мама старше втрое.
У нее морщинка
Меж бровей легла.
Если провинишься,
Мама хмурит брови;
Если отличишься,
Мама весела...

Рисунки Е. Бургункера

ДЖОРДАНО БРУНО

Очерк Л. Воронковой

Это было в конце XVI века в городе Венеции.

Невысокий стройный человек подошел к набережной и подозвал гондолу. Глубокие черные глаза его глядели взволнованно и грустно.

Это был великий итальянский ученый Джордано Бруно.

Вот он и на родине! Сколько лет скитался он по чужим странам, сколько лет тосковал по своей солнечной, прекрасной стране — с тех самых пор, как сбежал из монастыря, спасаясь от инквизиции.

Это было давно. Тогда он был еще совсем юным и носил одежду монахов-доминиканцев — плащ и капюшон. Но он не был настоящим монахом. Не молитвы и не вера в бога привели его в монастырь.

Его привела туда жажда знаний. Он хотел быть ученым. А где еще можно было найти такую библиотеку, какая была в монастыре? И где еще можно было столько времени посвящать занятиям, как не в монастырской келье? Там, среди толстых монастырских стен, среди старых книг и пергаментов, прошла его юность. Там же прочитал он и книгу Коперника о том, как устроена вселенная. Коперник доказывал, что не солнце вертится вокруг земли, а земля вертится

вокруг солнца. Его учение противоречило учению католической церкви.

— Если земля круглая, как шар, то где же тогда небо, где рай и ад? — спрашивали католические попы. — И когда Христос вознесся, то как же и куда он возносился?..

Коперник был объявлен безбожником, еретиком. И все, кто следовал его учению, считались еретиками, врагами церкви и подлежали церковному суду — суду инквизиции.

Джордано Бруно тайком изучил книгу Коперника. Наблюдая звезды, Бруно открыл еще одну истину, о которой не думал Коперник. Он понял, что вселенная бесконечна, что число миров и солнц неисчислимо.

С таким мировоззрением нельзя было жить в католической Италии, с такими открытиями нельзя было выступать в стране, где властвовала беспощадная инквизиция. Монахи-инквизиторы зорко следили за теми, кто решался мыслить иначе, чем предписывала церковь. Этих людей предавали суду, мучили, пытали и сжигали на кострах.

Один из монахов донес на Джордано. В его келье сделали обыск, — нашли книгу Коперника, увидели, что у него нет изображений святых.

Утром должен был приехать инквизитор, и настоятель собирался предать в его руки молодого монаха.

Но Джордано не стал дожидаться утра: ночью он перелез через высокую монастырскую стену и бежал...

С тех пор начались скитания Бруно. Он жил при дворе французского короля, читал лекции в знаменитом французском

университете — Сорбонне. Он жил при дворе английской королевы Елизаветы, был профессором английского университета. Он жил в Германии, переходя из одного немецкого государства в другое (тогда Германия состояла из отдельных маленьких государств). Молодежь толпами стекалась на его лекции. Людей поражали смелость его мысли, новизна его учения. Бруно умел хорошо говорить, умел убеждать, он был красив и умен. Великая слава шла о нем по земле.

Но долго проповедывать свое учение Бруно не мог. Старые профессора, закоснелые и боящиеся всего нового, были его неизменными врагами. Попы также ненавидели его. А римский папа отлучил Бруно от церкви и объявил еретиком. Инквизиция ждала его возвращения — она готовила ему пытки и костер.

Джордано Бруно знал, что грозит ему, если он вернется. Он знал, что черная стая попов и монахов задушила его страну, что там нельзя ни жить, ни мыслить, ни дышать свободно... Но Бруно устал, ему хотелось снова увидеть синее итальянское небо, виноградники, улицы родных городов. И он вернулся!

Богатый венецианский вельможа, синьор Мочениго, упросил Бруно поселиться в его дворце и давать ему уроки. Он дал честное слово синьора, что Бруно в его дворце будет в полной безопасности... Однако Бруно скоро заметил, что серьезные науки мало интересуют молодого синьора.

Гондола тихо скользила по голубой воде. Красивые дворцы отражались в лагуне, арки мостов висели над водой.

Вот Дворец дожей с двухэтажной колоннадой. В этом дворце роскошные залы. А внизу, в подвалах дворца, — государственная тюрьма. Там, в узких сырых колодцах, томится много узников... Бруно вздохнул от смутного предчувствия и отвернулся.

Гондола свернула в узкий переулок и остановилась возле лавки книготорговца Чьотто. Бруно вошел в лавку.

Чьотто, маленький и лысый, принял Бруно с низким поклоном. Он увел его в дальнюю комнату, заваленную книгами и рукописями.

Серые брови Чьотто горько хмурились. — Мессере, — сказал Чьотто, — уезжайте отсюда!

— Уезжать?! Да, мне надо уехать. Синьор Мочениго несерьезно относится к науке, — я его понял. Мне незачем оставаться у него... Я уеду скоро.

— Уезжайте сегодня, мессере! Я люблю и почитаю вас, — мне будет горько, если с вами случится несчастье!..

— А вы разве слышали что-нибудь?

— Да. Отец-инквизитор приходил справляться...

Бруно поник головой. Ни слава его, ни ум, ни вдохновенное слово — ничто не может защитить его от инквизиции!

— Хорошо, — вздохнул он, — я уеду сегодня же.

— Уезжайте сейчас же, мессере! — возразил Чьотто. — Уезжайте сейчас же! Я боюсь, что ваш ученик предаст вас. Не возвращайтесь к синьору Мочениго.

— Хорошо, Чьотто. Я уеду сейчас же.

Вечер быстро окутывал мраком Венецию. В узких улицах уже сгустилась тьма, и на носах гондол загорелись огоньки.

Только верхушка колокольни и легкая арка высокого Моста Вздохов были освещены закатом. Мост Вздохов вел в тюрьму.

Бруно хотел уехать сейчас же. Уж если отец-инквизитор заинтересовался им, хорошего ожидать нечего. Надо бежать немедленно.

Но Бруно вспомнил о своих рукописях. Оставить рукописи во дворце Мочениго? Нет, этого он не может. Он вернется, возьмет рукописи, а завтра простится с Мочениго и уедет.

Молодой синьор Мочениго ожидал Бруно. Услышав, что Бруно вернулся, он вошел к нему в комнату. Бруно складывал свои книги и рукописи. В глазах Мочениго сверкнули недобрые огоньки.

— Что это значит, мессере? — спросил Мочениго. — Вы уезжаете?

— Да, я уезжаю, синьор, — ответил Бруно.

— Вы уезжаете! Но ведь вы не всему научили меня, мессере! Вы не открыли мне многого!

— Я открыл вам все, что знал.

— Но вы не научили меня делать золото!

— Золото делать нельзя. Золото можно только добыть в рудниках.

— А волшебством?

— Я не верю в волшебство.

Начался спор. Синьор Мочениго стал упрекать Бруно, что тот не хочет раскрыть секретов колдовства. Он стал настаивать, чтобы Джордано остался.

Бруно был раздражен. Он не знает колдовских секретов, он не верит в волшебство, он не колдун, он ученый. И он уедет сейчас же, потому что таким глупцам, как Мочениго, наука не нужна.

— Нет, вы не уедете, — заявил Мочениго холодно.

И тут, по его знаку, открылась дверь и, звеня оружием, вошли стражники.

— Возьмите его! — приказал Мочениго.

Бруно обернулся к нему. Черные глаза его были полны гнева и презрения.

— Вы обещали мне безопасность! — воскликнул он. — Вы дали мне честное слово синьора...

— Ты еретик, — ответил Мочениго, — а слово, данное еретику, недействительно.

Величайшего ученого Джордано Бруно посадили в темницу. Попы праздновали свою победу.

* * *

Семь лет сидел в тюрьме Джордано Бруно: пять лет в Венеции и два года в Риме. Страшная венецианская тюрьма покрыта была свинцовой крышей. Солнце так раскаляло эту крышу, что от жары узник терял сознание. Его допрашивали в подземельях, предавали пыткам. Из молодого, полного сил человека он превратился в старика, его каштановые кудри поседели.

Инквизиторы хотели, чтобы он отрекся от своего учения. Ему стоило сказать слово, и он был бы спасен. Но Джордано Бруно этого слова не сказал. Он не хотел отречься от того, что считал истинной. Он знал, что ему грозит страшная смерть, но во имя науки и правды сознательно шел на эту смерть.

Джордано Бруно сожгли на костре. Это было в Риме. Римский папа, кардиналы и отцы-инквизиторы, торжествуя, смотрели, как умирал замученный ими великий человек...

Собрал С. Мирер

Ахмет-акай (дядюшка Ахмет) Узен-башский—сказочный герой крымских татар. В многочисленных сказках он выступает то шутом, то богатырем, то мудрецом, то сказочником.

В помещаемых нами сказках, записанных в горном Крыму, дядюшка Ахмет является безбожником и изобличителем хитрого муллы Абдурмана Ак-эфенди, белого господина.

АХМЕТ И МУЛЛА ПОД ОРЕХОВЫМ ДЕРЕВОМ

Как-то шли Абдурман-мулла с Ахмет-акаем, и случилось им остановиться вблизи тыквенного баштана под огромным ореховым деревом. Абдурман, изнуренный жарой, сразу свалился и уснул. Ахмет-акай, лежа под густыми ветвями, разглядывал мелкие орешки и раздумывал:

«Выходит—у нас дурной бог. Почему большое дерево, прожившее век, дает маленькие орешки, а внизу, на земле, на

маленьких стебелечках выросли огромные тыквы?»

И, посмотрев в небо, воскликнул:

— О падишах небесный, властитель моей печени, разве не следовало бы сделать наоборот?

В это время с дерева упал орех и ударил спящего муллу в лоб так, что даже кровь показалась.

— Безбожник!—закричал в отчаянии мулла Абдурман. — Что ты делаешь с моей башкой?

— Это аллах, а не я!—воскликнул Ахмет-акай. — Это аллах пробует, тверд ли твой лоб... Ах, да! Извиняюсь, падишах небес,—продолжал Ахмет-акай, обращаясь к небу, — вы хорошо сделали, что произрастили на большом дереве маленькие орехи. Увы, если бы вы повесили на нем большие тыквы, что было бы тогда с башкой Абдурмана-муллы?

Записано в Никите со слов рабочего Сейдамета-Бекира Берберова.

КУРБАН¹ ИЗ КАМСЫ

Два приятеля Ахмет-акай—Хуртмулахай и Хуртморахай—купили на ялтинском базаре три окка (три кило) камсы (мелкой рыбки), положили в алма-сепет (корзинку) и понесли.

Утомившись, сели в лесу под большим деревом отдохнуть в холодке.

Посмотрели друзья на камсу и удивляются: глаза есть, носики есть, хвостики есть.

— Братец!—воскликнул угрюмый бородач Хуртморахай. — Не покажем ли

¹ Жертва богу.

АХМЕТ-АКАЯ

Рисунки М. Рабинович

рыбешку Ахмет-акаю и не спросим ли его: можно приносить в жертву богу камсу вместо барана? Каждый курбан обходится нам по шесть рублей. И просит мулла Абдурман с каждого узенбашца по курбану. Мы же бедные люди и на себе таскаем в наплечных алма-сепетах сливы, груши, яблоки на ялтинский базар через высокую Яйлу. Тяжело нашим спинам, и сдавливаются наши души от тяжести. А камсы мы можем купить на копейку десять штук. Если нам Ахмет-акай разрешит делать из них курбаны, одной корзинки камсы хватит на всю деревню.

И ответил Хуртмулахай:

— Пойдем к Ахмет-акаю.

Ахмет-акай в это время отдыхал на крыше под тенистым деревом.

Они поднялись к нему и, взяв несколько рыбешек в руки, показали Ахмет-акаю:

— Можно ли их резать на курбаны для муллы?

Ахмет-акай посмотрел на камсу, взвесил ее на руке и сказал:

— Кровь есть, внутренности есть, как бусы глаза маленькие есть. Почему нельзя? Их можно курбаном считать.

— Из одного алма-сепета, — сказал Хуртморахай, — хватит этой рыбы всем беднякам. Только как из них делать курбан, не научишь ли нас, Ахмет-акай?

— Как обычно курбаны делаются, — ответил Ахмет-акай: — режется овца, шкура дается мулле. Так и с камсы шкурки сдирайте и отдавайте мулле.

Объявили через глашатая на весь Узенбаш: можно из камсы резать курбан. И сейчас же два добрых молодца — Хурт-

мулахай и Хуртморахай — стали даром раздавать камсу узенбашцам.

Стали все готовить камсиные курбаны. Режут ножиками рыбешку, головку в огонь бросают, а шкурку для муллы сдирают. Смотрит Абдурман-мулла, белый господин: что за суматоха?

Ему объясняют:

— По разъяснению добрейшего Ахмет-акай выходит, что для аллаха все товар — что камса, что баран. У этих животных кровь есть, внутренности есть, глаза тоже есть. Курбан из них делать можно. Мы тебе принесли, о господин мулла, курбанный налог.

Абдурман-мулла растерялся. Ведь какой убыток ему! Шкурку камсы выбросить — и то некуда! Рассердился он на Ахмета и сказал узенбашцам:

— Шерсти-то ведь нет, ног нет, рогов нет, — куда годится такой курбан?

Мулле что нужно? Доход. Ахмет-акаю что нужно? Беднякам уменьшить расход.

Целый месяц спорил Абдурман с Ахмет-акаем.

Записано в Дерекое со слов колхозника Сейдамета Дурла.

Мурзилкина ГАЗЕТА

МЕЧТА

Песня льется звонко-звонко,
Мысли понеслись
И, подобно жаворонку,
Улетают ввысь.
Сколько радостных мечтаний
Наполняют ум,
Сколько в голове у Тани
Пламенных, полезных дум!
«Скоро вырасту большая,
Улечу за облака,
Самолетом управляя,
Не дрожит моя рука.
Я открою много новых
И прелестных стран.
Пролетит над океаном
Мой аэроплан.
Штурмовать я буду ветер,
Дождь, и снег, и град.
Поборов стихии эти,
Полечу назад.
Пролетая над Москвою,
Посмотрю я вниз:
Над кремлевскою стеною
Звезды в ряд зажглись;
Радостно горят мигая, —
Вижу их издалека.
Самолетом управляя,
Не дрожит моя рука».

Галя Ионова, 12 лет, Москва.

САМОЛЕТ

Я бегу на лыжах
Около берез,
И со мною рыжий
Мой любимый пес.
Снег лежит глубокий,
Я бегу вперед,
Надо мной высоко
Кружит самолет.
Хочется большим мне
Поскорее стать,
Чтоб на самолете
В воздухе летать.

Игорь Львов, 8 лет,
Московская область.

ПОГРАНИЧНИК

Рисунок Вити Миллера, 7 лет.

ДОМ

Рисунок Левы Махоткина,
6 лет, Москва.

МАЛЬЧИК И ЛЯГУШКА

(СКАЗКА)

Шел мальчик из школы и упал в лужу; книжки и тетрадки тоже полетели в лужу.

Стал мальчик чистить книжки, видит — клякса на носу. Стал чистить кляксу — книжки опять полетели в воду. Выскочила из лужи лягушка, смотрит на мальчика, смотрит на книжки. Думает лягушка: «Буду книжки читать». Открыла книжку, сразу испугалась — грязи там много-много, больше, чем в пруду. А тетрадки рваные, кляксы одни. На целой странице всего несколько слов.

— Что же это такое? — заквакала лягушка. — Разве это ученик? Разве можно так писать и держать в таком беспорядке свои книги и тетради? Плохой же ты мальчик, плохой ученик! Я, лягушка, лучше бы училась.

Тут выскочили еще ее подружки-лягушки и давай квакать, над мальчиком смеяться.

Леонид Щудло, 12 лет,
г. Чериков, БССР.

МУРЗИЛКА В АРКТИКЕ

Рисунок Юры Дорошенко, 10 лет, Харьков.

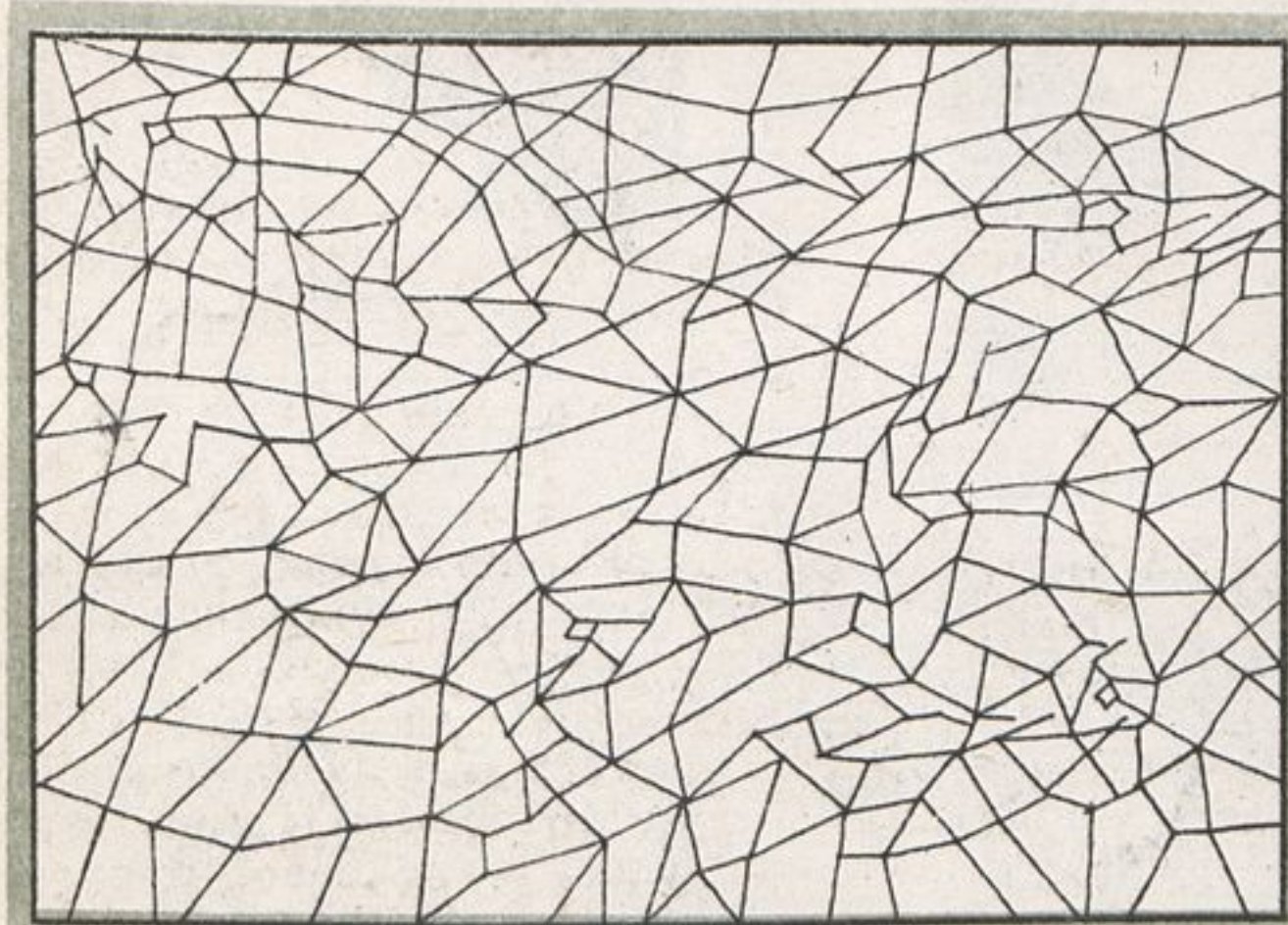

ИГРЫ шарады загадки

Рисунки И. Янцен

Какие три рыбы поймали в сетях? Очертите их.

* * *

ЗАГАДКИ

Бежит дядя Матвей, а за ним сто гусей.
(*Паровоз с вагонами*)

Кричать горазд, а ребенку унять себя даст.

(*Радио*)

Без крыльев летает, без зубов кусает.

(*Пила*)

По воде золот мост протянут, — ни пройти по нем, ни проехать.

(*Лунный свет на воде*)

Желто, а не золото; тает, а не снег.

(*Масло*)

Без ног идет, без глаз плачет, сильнее солнца, слабее ветра.

(*Туча*)

Не руками цветы посажены, не политы, а растут.

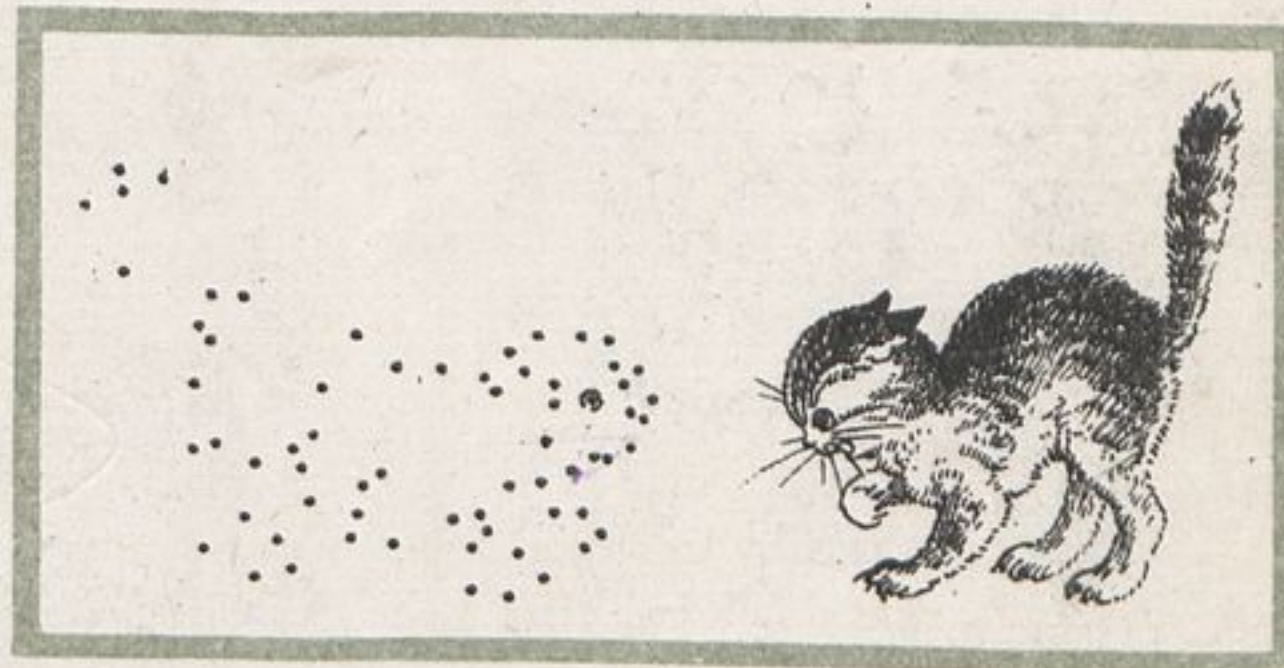
(*Морозные узоры*)

Стоит Андрюха, хлеба полное брюхо.

(*Заватоп с хлебом*)

На этом рисунке есть млекопитающие, птицы, пресмыкающиеся, земноводные, рыбы, мягкотелые и насекомые. Сосчитайте, сколько здесь животных, и назовите известных вам.

С кем встретилась кошка?
Нарисуйте загадочного зверя по точкам.

* * *

В журнале «Мурзилка» № 2 был помещен кроссворд «Миноносец». Читать его следует так:

слева направо: сад, труба, мурзилка, силач, балалайка;

сверху вниз: урна, картина, кукла, оса, пар.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЦК ВЛКСМ. Адрес: Москва, М. Черкасский, 1.

Тел. 1-15-42.

Ответственный редактор А. Н. Дунина.

Сдано в набор 15/1 1938 г. Подписано к печати 25/11 1938 г.

Уполномоченный Главлита Б-35747.

Заказ № 42.

Оформление В. Житенева.
Объем 2,5 печ. л. Ст.-форм. 93 × 120^{1/16} листа.
Детиздат № 1704.

Тираж 250 000.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сушевский вал, 49.

Текст
Ив. Пруtkова и М. Пустынина

Тема В. Апреcьяна

Рисунки М. Храпковского

1
Преподнесли Мурзилке торт.
Мурзилка рад, Мурзилка горд.

2
И вот дорогою прямой
Подарок он несет домой.

3
Вдруг за спиною щелк да щелк:
Разинул пасть голодный волк!

4
Все ближе, ближе волчья пасть...
«Ужели с тортом мне пропасть?»
А волк рычит Мурзилке вслед: Тебя, Мурзилка, задушу
— Со сладким будет мне обед! И вкусным тортом закушу!

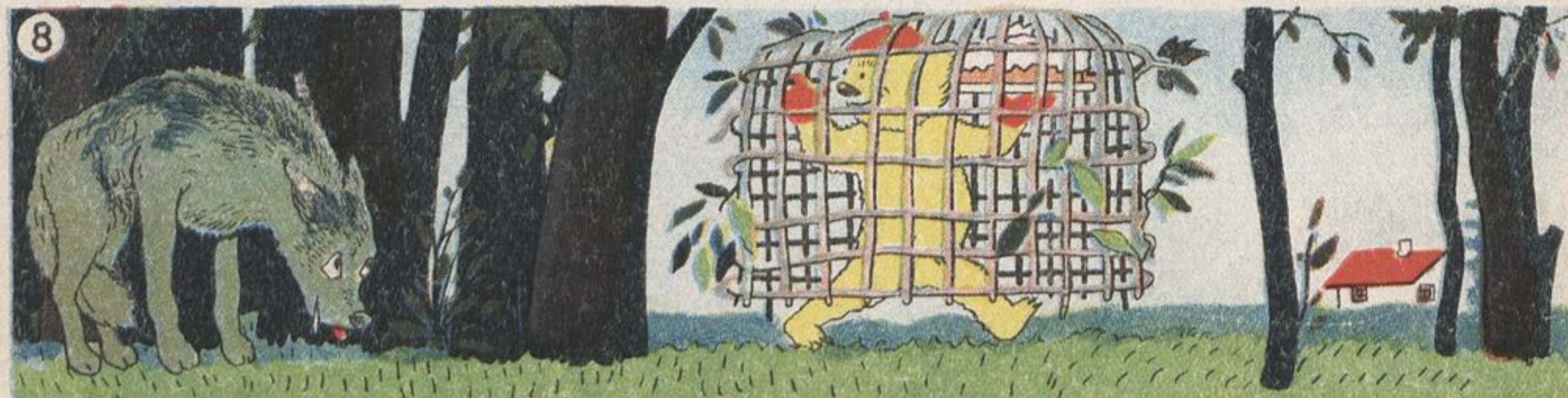
5
Но страх Мурзилке незнаком:
Рванулcя ввысь одним прыжком!

6
— Ах, ты бежать решил, малыш?
Ну, долго там не усидишь

7
И свалишься мне прямо в рот! —
А наш Мурзилка клеть плетет...

8
Он плел не даром! Вышел толк,
Ему не страшен серый волк!

Обманут волк. Надежды нет:
Уходит лакомый обед!

Мурзилка клеткой защищен,
И торт домой уносит он...